

Перечитывая Маяковского

7

Гласность - 1992, № 4-10 июня

Я никогда не любил Маяковского. Не то чтобы терпеть не мог, а просто не любил, не боготворил, не упивался им. Ну, бывали моменты в юности, когда его хлесткость, афористичность, напор — все это заражало, увлекало. Даже подражать пытался, писал что-то «лесенкой» в дневнике. Но в общем-то не любил.

Читал у нас в Щукинском училище во времена моего там учения русскую литературу П. И. Новицкий, очень серьезный специалист. Так вот, считал наш Павел Иванович, что в России было семь великих поэтов. Поэт же в понимании Новицкого — это пророк, провидец, мудрец, а не просто ритмический рифмоплет, не просто стихотворец. Стало быть, в порядке хронологии: Державин, Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Некрасов, Блок, Маяковский.

И не один только наш учитель так высоко ценил Маяковского — были и найдутся, вероятно, еще немало безоговорочно причисляющих Владимира Владимировича к сонму самых крупных фигур в отечественной поэзии. Да и мировой тоже!

В общем, не знаю, потому ли или еще почему, но в преддверии отмененного и чуть ли уже не со дня на день могущего быть вычеркнутым из календаря праздника Великой Октябрьской социалистической революции вспомнился мне «ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный». Захотелось мне заглянуть в его книгу и освежить в памяти, с чего же и от чего было ему так ХОРОШО в канун десятилетия Октября.

Читаю:
На девять сюда
под красными
ношил
уверен
и весел,
горд
и торжествен...

Сюда — это, стало быть, на Красную площадь. И я после долгого перерыва был там, 7 ноября 1991 года, один из сотни тысяч демонстрантов. А 1 Мая этого года — не привелось. Но слышал, что собралось там уже около полумиллиона.

Я
здесь
бывал
и в мертвом
а чаще еще —
просто
один...

Да, просто один... Вот и сегодня просто один прошел мимо Кремлевской стены, мимо Мавзолея, снял шапку перед теми, кто poleg
...От трудов,

от каторг
и от пуль,
И никто
почти —
от долгих лет.

Как там дальше у Маяковского?
И чудится мне,
товарищей
По пеплам идет,
выходит
на свет
И травы
с цветами
Скажите —
вы здесь?

мучит
тревоги отравы.
сочится по кости,
на свет
по цветам
и по травам.

шуршат в беспокойстве:
Скажите —
вы здесь?

Скажите —
не сдали?
Достроит
коммуны
из света и стали
республики вашей
сегодняшний житель?

Скажите —
цела?
Скажите —
едина?

Готова ли
к бою
партийная сила?..

Что же, Владимир Владимирович не угадал маленько? Шестьдесят лет провидел, а потом маху дал, ошибся? Постойте-ка! Там, в поэме, не одни пророчества. Там кое-какие свидетельства времени имеются. И свидетельства эти подтверждаются другими свидетельствами. Которые, полагаю, вполне способны вызвать доверие тех, кому наплевать на Маяковского. Вот, например, эсер Б. В. Савинков в последнем письме от 28 апреля 1925

года писал своей сестре: «Знаю твердо, что эмиграция ничего не понимает в происходящем в России и что большевики на верном пути. Россия идет в гору, а не катится вниз, как утверждают эмигранты, как утверждал и я. И сделали это не мы, не Миллюковы и Керенские, а большевики. Вот главное, а остальное — детали... Идеологизированная подтасовка? Фальсификация?

А вот из покаяния «Почему я признал советскую власть»: «Я боролся с большевиками с октября 1917 года... Я признал советскую власть, которая выдержала блокаду, гражданскую войну и поволжский голод. Это жизнеспособная и крепкая власть. Все мы знаем, что эмиграция — болото. Для «низов» — болото горя и нищеты, для «верхов» — болото праздности, честолюбия и ребяческой веры, что Россию нужно спасать. Россия уже спасена. Ее спасли рабочие и крестьяне, спасли своей сознательностью, своим трудом, своей твердостью, готовностью к жертвам»...

Что это за «блокаду» поминает Борис Викторovich? А ту самую, про которую у Маяковского:

В Новороссийск
плывут
Из Дувра
плывут
С песней,
Сыты по-свински...

И еще:
На первую
республику
сверкая
выстрелами,
гнали армии,
богатые мира,

рабочих и крестьян,
штыками блестя,
флоты катили
и эти, и те...

И опять «враг» Савинков «врагу» Маяковскому подпекает: «И каждому русскому... который любит родину свою, я, прошедший всю эту кровавую и тяжелую борьбу с вами, я, отрицавший вас как никто, я говорю ему: если ты... любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее без оговорок».

(Из заявления Военной коллегии Верховного суда СССР 27 августа 1924 года).

...Но бомб страшнее
и пуль револьверных
осада голода, осада тифов.

Это уже из поэмы «Владимир Ильич Ленин», но все про то же — как выжили, как выстояли.

...От боя к труду —
от труда
до атак, —
в голоде,
в холоде
и нагоде

держали
взятое,
что кровь
выступала из-под ногтей.

Ну, а это, надеюсь, помните?
— Я
много
в теплых странах плутал.
Но только
в этой зиме
понятной
стала
мне
теплота

любовой,
дружб
и семей.

Лишь лежа
Зубами
вместе
поймешь:
ни одеяло,
ни ласку.

Землю,
где воздух,
бросишь и мчишь, колеса, —
но землю,
с которой
вместе мерз,
вовек
разлюбить
нельзя...

И это все «идеология»? Вранье? Подтасовка? И это — «неудавшийся эксперимент»? И в это во все плевать? Я стою на Красной площади. Повторяю слова Маяковского: «Спите, товарищи, тише...»

И потом, немного переиначив, слова Савинкова: «Россия будет спасена. Ее спасут рабочие и крестьяне, спасут своей сознательностью, своим трудом, своей твердостью, готовностью к жертвам...»

Юрий НАЗАРОВ,
заслуженный артист РСФСР,
Москва.

4.06
1992

ГЛАСНОСТЬ